

Автор: Чаплина Валентина Семеновна

Книга: Бабушкины каникулы

Рассказ: Бабушкины каникулы

Весна. Каникулы. Женька стоит на крыльце и жмурится от солнца. С крыши сосульки ноги свесили. И с каждой ноги капельки на землю падают быстро-быстро, будто торопятся, боясь куда-то опоздать.

«Эх, выдумать бы что-нибудь интересное на каникулах, чтоб все ребята в классе ахнули, – мечтает Женька. – Наверно, будет сочинение «Как я провёл весенние каникулы», а что я напишу? Как стоял на крыльце и сосульки разглядывал? В прошлый раз Мишка-отличник написал, как он помогал маме, так про него даже в школьной стенгазете потом заметка была. Подумаешь – герой! А что, я не могу помогать, что ли! Ещё так помогу, что все закачаются!» – и Женька радостно прыгнул с крыльца, испугав солнце, которое купалось в луже. Оно заметалось в разные стороны, но дальше краёв лужи никак не могло убежать, потом мелко задрожало и... стало успокаиваться.

По двору идёт бабушка с базара. В одной руке у неё сетка, набитая картошкой, в другой – продуктовая сумка со свёртками и кулками. Дойдя до крыльца, бабушка ставит сумку на ступеньки.

– Дождался, наконец, каникул? Ну, отдыхай теперь, отдыхай. А я устала что-то сегодня.

– А ты тоже отдохни, если устала, – советует внук.

– Некогда мне отдыхать, – усмеяется бабушка, снова берясь за сумку. – Это у тебя каникулы, а у меня каникул не бывает. Обедать-то вы все каждый день приходите, – и она торопливыми шагами скрывается в доме, еле таща покупки.

«Вот я дурак, не мог хотя бы сетку у бабушки взять. Стою и гляжу, как будто у неё в руках ничего нет, – разозлился на себя Женька. – Ведь и правда у меня три раза в году каникулы, – соображает он, – у мамы с папой отпуск каждое лето, а у бабушки не только каникул или отпуска, даже выходных не бывает. Ужас!».

И Женьке пришла в голову замечательная мысль. Вот уж ребята ахнут. А, главное, он напишет такое сочинение, что потрясёт всех, о нём заговорят в школе, да что там, в школе, о нём, может быть, даже напишут в «Пионерскую правду». Женька решил устроить бабушке весенние каникулы. До этого даже отличник Мишка не мог додуматься.

– Бабушка, а что ты сегодня делать будешь? спросил он, будто бы просто так, войдя в кухню.

– Да вот обед сварю, карман на твоей куртке пришью, а там видно будет.

«Так, значит, обед и карман», – запомнил Женька. Конечно, сейчас нужно было бы сказать бабушке, что он хочет делать её дела, а она пусть отдыхает. Но это было бы неинтересно. Женька любил устраивать сюрпризы, когда дома никого нет. Он уже представлял, как войдёт бабушка в квартиру и, удивлённая, замрёт на пороге, а он ей: «Поздравляю тебя с весенними каникулами!». Обед готов, карман пришит – всё сделано. Отдыхай себе! Эх, здорово! Он решил, что описанием именно этого эпизода начнёт своё сочинение, которое должно потрясти всех.

Женьке везло. Посмотрев на часы, бабушка собралась опять уходить.

– Ты куда? – спросил Женька, делая безразличный вид.

– Схожу в магазин.

«Вот хорошо, что не сказал ей про свою затею, – подумал Женька, а то сейчас бы меня послала за какими-нибудь батонами или макаронами или ещё за чем-нибудь похлеще вроде подсолнечного масла. Он терпеть не мог ходить по магазинам с бабушкиными поручениями.

За бабушкой захлопнулась дверь. Времени терять было нельзя. Раздумывать он не любил. Что он, профессор какой-нибудь – много думать! Предстояло действовать быстро и решительно. Сначала надо сварить обед. Ерунда! Подумаешь – обед! Что он, никогда не видел, как обеды варят, что ли?! Рассказ «Мишкина каша» он читал несколько раз, значит, в отношении каш он человек знающий. Такую кашу сварит, что даже бабушка закачается. Но одна каша – это ведь мало на обед. Надо ещё суп какой-нибудь. Сейчас он начистит картошки, нальёт воды, посолит – вот тебе и суп готов.

Женька взял в руки нож и картофелину. Она была смешная. С носом. Нос маленький, кругленький, точно, как у Лёвки, который жил с ним на одном дворе.

Когда бабушка чистила картошку, казалось, что это плёвое дело, ерунда. А сейчас Женька даже вспотел весь, будто он не картошку чистит, а дерётся с Лёвкой до победного конца или тащит на четвёртый этаж целый мешок металлолома.

«Ну и работка, – вздохнул Женька, – закачаешься!».

Ему почему-то ужасно мешал собственный язык: То и не замечаешь, есть он у тебя во рту или нет, а тут язык всё время высовывался наружу. Женька разозлился и прикусил его, но язык теперь всё чаще и чаще попадался под самые зубы.

Когда Женька доканчивал вторую картофелину, то понял, что если возьмётся за третью, его языку придётся совсем плохо. Язык так распух, что еле-еле ворочался. И когда Женька хотел крикнуть «Ура!», потому что кончил чистить вторую картошку, то у него получилось «Уа!», как у соседской маленькой девчонки, которая не выговаривала «р». Тут Женька понял, что с картошкой пора кончать. Чистить картошку – девчачье дело. Тоже нашёл себе занятие!

Две картошки очищено – хватит. В семье четыре человека, по полкартошки каждому вполне достаточно. Что они, обжоры какие-нибудь – на картошку наваливаться! Ещё каша будет.

Кастрюлю Женька налил водой, воду посолил, положил туда обе картофелины и почесал затылок. Картошки действительно оказалось маловато. И странно, он брал самые большие картофелины, а сейчас они оказались малюсенькие-премалюсенькие. Зато очисток целая миска. Но ничего! Женька решил ввести рационализацию в кулинарное дело. Он вымыл несколько картошек и нечищеными бросил их в будущий суп.

«Когда они сварятся, тогда с них быстрее кожу содрать, чем сейчас чистить», – решил Женька. Теперь за суп он был абсолютно спокоен. Керосинку он зажигать умел, так что через несколько минут суп прекрасно варился.

Отец всегда учил Женьку, что время нужно использовать весьма рационально.

«Значит, – решил сын, – пока варится суп, я должен справиться с карманом». – И он сломя голову побежал в комнату.

Бабушка чинила часто и долго. Особенно долго после того, как Женька подерётся с Лёвкой. С тем самым Лёвкой, у которого нос похож на картофелинку. А так как дрались они почти каждый день, то у бабушки работы хватало.

Когда Женька приходил с улицы, бабушка надевала очки и, вздохнув, оглядывала его с головы до ног, ища, чего на нём сегодня не хватает, или где какая дыра лишняя. Пуговиц почти всегда не хватало, но это ерунда. А вот вчера не хватило целого кармана.

Сейчас Женька стоял около своей куртки и отчаянно злился сам на себя.

«Эх, дурак я, дурак бестолковый, не мог хоть один раз в жизни не драться. Зато теперь не пришлось бы возиться с курткой. Вчера, когда бежал к Лёвке, зацепился карманом за гвоздь, но отцеплять было некогда, потому что срочно нужно было сказать Льву, что он дурак. Ну, подрались, конечно, как следует. А потом глядь! кармана как не бывало».

Вздохнув, Женька взял кусок материи, которую бабушка уже приготовила для кармана. Со двора кто-то постучал в окно. Женька увидел маленький круглый нос, как у картошки, которую он чистил. Нос был приплюснут к стеклу. Лёвка! После вчерашнего «дурака» они ещё не окончательно додрались.

Женька сейчас же принял воинственный вид и показал Лёвке кулак. Лёвка в ответ показал ему два кулака. Ах, так?! И Женька стремглав бросился в коридор, но тут же сообразил, что раз у бабушки теперь каникулы, то все дырки после драки придётся зашивать самому. А ему одного кармана вполне достаточно. Даже слишком. И драться сразу расхотелось. Он решил просто помириться с Лёвкой. Подумаешь – дурак? Он его три раза

назвал дураком, а Лёвка его два. Пускай Лёвка ещё один раз назовёт его дураком, и они будут квиты. Подумаешь, дураком назовут, от этого ведь ума не убавится.

И Женька принялся за карман. Когда карман был вырезан, он почему-то оказался гораздо меньше того, что пришит на другой стороне куртки. А материи больше не оставалось. Не колеблясь, Женька решил пришить этот карман.

Провозившись с карманом не зная сколько времени, чуть не откусив совсем половину своего распухшего языка, Женька со злостью отодрал нитку и в изнеможении плюхнулся на диван.

«Ну и работка! Закачаешься!» – хотел он сказать вслух, но язык не поворачивался. По-человечески карман никак не пришивался. Пришивалось так, что лучше совсем без кармана ходить. И тут Женьку осенило. Зачем второй карман пришивать, когда можно оторвать первый и всё в порядке! Без карманов даже ещё лучше: бабушка не будет совать ему носовой платок, если его класть некуда.

Отрывать здоровый карман оказалось легче, чем пришивать, хотя пришит он был очень крепко. Но у Женьки силы хватало. И когда карман был начисто отодран, то на куртке даже образовалась дыра, вот как был пришит! И тогда Женька подумал, что лучше было бы его отрезать ножницами, и дыры бы не было. Но он тут же решил, что когда идёшь по улице, то место, где сидел карман, можно прикрывать рукой. И дырки не будет видно.

Итак, с курткой было покончено. Оставалось только доварить обед, и каникулы бабушке обеспечены. Женька опрометью бросился в кухню.

Керосинка не горела. Наверно, выгорел весь керосин.

Ключ от чулана, где хранился керосин, висел высоко на стене. Конечно, можно было подставить стул и спокойно снять ключ. Но ведь это неинтересно. И Женька начал подпрыгивать. «Вот мне и тренировка, а то учитель физкультуры говорит, что я плохо прыгаю». На полке задрезжалась пока ещё целая посуда. И как раз в тот момент, когда при особенно высоком прыжке ключ оказался в Женькиных руках, бумажный кулёк с мукой мягко плюхнулся с полки на пол. И не только плюхнулся, а на глазах разлезся по всем швам и даже по целому месту.

«Так, – подумал Женька, – понятно. Начинаются трудности жизни. Но не надо падать духом, как говорит папа, а надо твёрдо идти к намеченной цели!» – и Женька твёрдо пошёл к чулану. Правда, вернулся он без керосина, потому что ключ совсем не подходил к чуланному замку. И пока, торопясь, Женька искал нужный ключ, то несколько раз наступил на рассыпанную муку. И поэтому из кухни к чулану теперь вели многочисленные белые следы.

Когда Женька начал наполнять керосинку керосином, то увидел, что по столу течёт красивый желтовато-синий ручей и стекает на пол по голубой клеёнке. Теперь в кухне зажигать керосинку было нельзя: ещё пожару наделаешь.

«Так, трудности продолжаются. Но не будем унывать! А комната зачем? Когда в кухне был ремонт, бабушка целую неделю в комнате обед готовила».

И внук понёс керосинку в комнату. Место для керосинки он там нашёл не сразу, поэтому белые следы появились и на ковре около кровати, и у дивана, и у папиного письменного стола, в общем, везде, где был свободный пол. Но это – пустяки! Подумаешь, следы! Главное то, что у бабушки теперь весенние каникулы, и о нём, о Женьке, может быть, даже напишут в «Пионерскую правду».

Керосинка важно уселась на письменный стол рядом со стопкой непонятных папиных книг и рулонами чертежей, которые ужасно мешали.

Когда Женька их отодвигал, на упругой белоснежной бумаге появились четыре прозрачных пятна от керосинных пальцев. Но Женька положил чертежи так, что пятен не стало видно.

Времени прошло много, а суп ещё не был готов. Поэтому Женька, когда зажёт керосинку, побольше открутил фитили. Ведь на большом огне суп закипит быстрее.

Женька воодушевлялся всё больше и больше. Он ещё задумал после каши сварить на третье компот и начал в срочном порядке искать по всему дому сушёные яблоки и груши, которые по просьбе бабушки сам недавно покупал в магазине. Но они, как назло, не попадались под руку.

Он перерыл буквально всё, и теперь от всех продуктов и вещей в доме отчаянно пахло керосином. Даже от вишнёвого варенья, от мамино одеклона «Крымская фиалка» и от конфет «Красная шапочка». Так и казалось, что девочка на обёртке несёт не корзину с пирогами для бабушки, а бидон керосина. «Подумаешь, пахнет! – рассуждал Женька. – Керосин очень полезная в жизни вещь. Это только в первый момент противно, а когда принюхаешься, то у керосина даже очень приятный запах».

Вдруг Женька заметил, что в комнате стало как-то пасмурно. Здесь и там в воздухе летали лёгкие чёрные лохмотики. А кастрюля из зелёной стала очень похожа на мамино чёрное панбархатное платье, в котором она с папой ходит в театр. Окошечко в керосинке, через которое должен быть виден огонь фитилей, тоже стало чёрное.

«Если это стекло вытащить, то через него можно смотреть затмение солнца», – подумал Женька. Но, жаль, никакого затмения не предполагалось. А через окошечко уже трудно понять, хорошо горит керосинка или плохо. Но это выяснить было просто необходимо. Надо срочно снять кастрюлю. Но она горячая! Под руку попалась какая-то материя. Не раздумывая, он обернул ею кастрюлю.

«Ой, надо было не сюда!» – мелькнуло в Женькиной голове, когда кастрюля уже села на дорожку, которая накрывала круглый столик.

В это время Лёвка опять постучал в окно. Женька со злостью задвинул шторку. Потом раздвинул, погрозил Лёвке тоже двумя кулаками и опять задвинул. На белой шторке появились чёрные полосы, как будто от одной вышитой ромашки к другой проложили четырёхрельсовую кривую железную дорогу. Тут только Женька заметил, что материя, которой он оборачивал кастрюлю, оказалась маминым вышиванием. Но сейчас ему было не до вышивания. Керосинка коптила всю. Женька начал отчаянно крутить фитили, но копоть всё равно летела, как будто во время метели снег, только чёрного цвета. Тогда Женька решил, что он крутит не в ту сторону, и начал крутить в другую. Копоть полетела еще сильнее.

В это самое время вошла бабушка и, как и предполагал Женька написать в сочинении, замерла на пороге. Кулёк, который она держала в руке, вдруг наклонился, и из него тонкой струйкой посыпалась на пол какая-то крупа. Но оцепенение бабушки было недолгим. Через минуту она уже потушила керосинку.

Молча, ни о чем, не спрашивая внука, с грустным лицом она обошла всю квартиру и, вернувшись в комнату, как была в зимнем пальто, так и села на диван.

Женька, еле ворочая распухшим языком, начал объяснять, что, конечно, он всего ещё сделать не успел, хотя по бабушкиному лицу было видно, что он сделал всё-таки достаточно много. Нужно было сказать Лёвке, и они вдвоём с ним устроили бы половину каникул Женькиной бабушке, а половину Лёвкиной. А потом вместе бы написали сочинение. Что он, Женька, жадный, что ли, Пускай и о Лёвке узнают в «Пионерской правде».

– Вдвоём? – тихо переспросила бабушка. Она у них в бога не верила, но сейчас почему-то поглядела в окно и перекрестилась. – Нет, уж мне одного тебя вполне хватает.

...Когда вечером Женькины мама с папой открыли дверь в комнату, оба в один голос воскликнули: «Что случилось?»

Комната имела такой вид, как будто её жильцы сегодня переезжают на другую квартиру.

Бабушка, усталая и вконец измученная, стояла на подоконнике и снимала с окна последнюю верхнюю штору.

– Ничего особенного не случилось, – спокойно ответила она вошедшим, – это просто у меня с сегодняшнего дня начались весенние каникулы.